24. МЕДВѢДИ.

Вожакъ съ медвѣдемъ, и какъ водится при этомъ, съ козой, такъ удачно прошатался, во время праздника, по селамъ и усадьбамъ, что къ вечеру поплелся дальше по дорогѣ, пишучи мыслете и нахлобучивъ шапку на самыя брови. Пришлось имъ итти муромскими лѣсами, которые хоть нынѣ ужъ далеко не то, что были при Соловьѣ–разбойникѣ, однако все еще есть уймы порядочные. Вожакъ пьянъ, и мальчишка, что козой пляшетъ, пьянъ, и даже медвѣдь пьянъ и черезъ–силу ноги волочетъ. Днемъ, солнышко ихъ распарило, къ вечеру сталъ клонить сонъ неодолимый; отошли они въ сторону отъ дороги, легли и, заснувъ богатырскимъ сномъ, проснулись и опамятовались тогда, когда ужъ утренняя зоря промочила ихъ росой и порядкомъ прознобило.

Продравъ глаза и потянувшись во всѣ четыре стороны, вожакъ, по привычкѣ,

напередъ всего ухватился за поясъ, къ которому онъ всегда привязывалъ медвѣдя — и повода нѣтъ. Водырь вскочилъ съ испугу, ощупалъ еще, оглянулся кругомъ — мишки нѣтъ. Мишка видно проснулся, выспавшись пораньше ихъ, соскучился лежать на мѣстѣ, по привычкѣ къ походной жизни, потянулъ за собою цѣпь, выдернулъ поводъ у спящаго замертво поводильщика и пошелъ въ лѣсъ. Парни мои сами взревѣли — коли не медвѣдемъ, такъ волкомъ, и отыскавъ по росѣ слѣдъ, кинулись за бѣглецомъ въ погоню.

Прошедъ довольно много, они встрѣтили бабъ, ходившихъ по грибы; бабы бѣжали опрометью, перепуганныя на смерть, и сказали, что не далѣе версты видѣли медвѣдя. Долго еще блуждали поводильщикъ съ козой, какъ вдругъ услышали издали глухой, знакомый имъ ревъ. — Вотъ, онъ гдѣ, вотъ онъ отзывается, закричали они и бросились туда. Но чѣмъ они ближе подходили, тѣмъ болѣе удивлялись, что у мишки на волѣ

голосъ перемѣнился, ровно чужой, и наконецъ, разслышали, что тутъ должно быть два медвѣдя: одинъ ихъ, другой ничей. Видно мишка набрелъ на товарища.

Подходя осторожно къ мѣсту и выглядывая изъ–за пней на прогалину, они точно увидѣли своего мишку, да только не одного, а самъ–другъ. Новые знакомцы какъ–видно здоровались и дружились, раскрывая другъ другу свое житье–бытье, такимъ голосомъ, что вокругъ все дрожало. Со страхомъ и трепетомъ смотрѣли мужики мои издали на своего кормильца, и не знали, что начать: упустить не хочется, а итти за нимъ, при такомъ товарищѣ, страшно. Глазъ видитъ, да зубъ нейметъ.

Думали, думали, наконецъ старшему парню пришло на умъ поманить своего мишку; что Богъ ни дастъ — давай попытаемся, можетъ–статься, дикій–то медвѣдь испугается, уйдетъ, а нашъ этого не боится. Онъ заставилъ мальчишку надѣть на себя, по обычаю, кожу, а самъ ударилъ во всѣ палки въ барабанъ, сталъ присвистывать въ дудку и, пустивъ козу

передъ себя въ плясъ, вышелъ прямо на полянку.

Мишка оглянулся, заревѣлъ, словно заплакалъ, всталъ на дыбы, и хоть не–хотя, да пустился самъ плясать; незванный товарищъ его, разсудивъ, что штуки эти не по немъ и смотрѣть ему на нихъ не–почто ушелъ въ лѣсъ; а бѣдный мишка, по пословицѣ: поваженый, что наряженый, дался опять въ руки поводильщику своему, не смѣя ослушаться дудки съ барабаномъ и дружки своей, козы.

Въ 1806 году, въ Екатеринославской губерніи, жилъ одинокій хуторянинъ и обработывалъ наймомъ землю свою. Въ домѣ у него было не много людей, и всего–то мужикъ и двѣ бабы. Въ народѣ ходила молва, что онъ старикъ скупой и богатый, говорили, что деньги у него запрятаны куда–то, либо зарыты въ землю; другіе сказывали, что у него всѣ деньги въ серебрѣ и золотѣ и зарыты въ избѣ, подъ печкой; словомъ, какъ людямъ всегда

завидно бываетъ смотрѣть на человѣка, который живетъ хорошо и ни въ чемъ не нуждается, такъ и тутъ говорили о зажиточности хуторянина, точно будто о преступленіи.

Хуторъ его лежалъ версты съ полторы отъ столбовой дороги, въ сторонѣ, и притомъ въ небольшомъ оврагѣ, такъ что съ дороги только чуть виднѣлись очепы двухъ колодцевъ. Случилось, что неподалеку этого мѣста сошлись артелью человѣкъ пять цыганъ съ медвѣдями, чтобы условиться здѣсь и розойтись по разнымъ сторонамъ. День вечерѣлъ, стало заволакивать, а тамъ пошло и моросить, какъ въ частое рѣшето. Поводильщики съ медвѣдями своими отправились въ ближайшую деревню и просились ночевать; несговорчивая помѣщица, однакоже, испугалась медвѣдей и ни за что ихъ не пустила. Медвѣди кланялись ей въ поясъ, въ запуски съ цыганами, но ихъ приказано было выгнать.

Нечего дѣлать, пустились цыганы наши дальше и увидѣли въ сторонѣ, сквозь мелкій дождь, очепы колодцевъ. Они, на

счастье, своротили и, подойдя къ окраинѣ оврага, увидѣли хорошій садикъ, бѣлую хату со всѣми хозяйственными пристройками, и между прочимъ, большой овинъ или сарай. Вотъ наше дѣло, подумали они, только–бы пустили подъ крышу, больше ничего не надо. Они спустились, подошли къ стоявшему въ окнѣ хозяину и, низко кланяясь, попросились ночевать. Хозяинъ пустилъ ихъ охотно въ сарай, съ уговоромъ только, чтобы они не разводили огня и не курили трубокъ.

Около полуночи, одинъ изъ цыгановъ проснулся отъ страшной суматохи и крика курицъ, которыхъ видно кто–то потревожилъ на насѣсти. Цыганъ подумалъ: зачѣмъ же и кому теперь лазить по курятникамъ? Ужъ не изъ нашихъ–ли кто вздумалъ подурачиться? За это хозяинъ, намъ плохое спасибо скажетъ. Онъ оглянулся на своихъ и увидѣлъ однакоже, что и поводильщики, и медвѣди всѣ были на лицо. Въ тоже время, онъ услышалъ, будто издали, какой–то глухой крикъ; онъ выглянулъ, окна въ хозяйскомъ домѣ всѣ

ярко освѣщены, тогда какъ съ вечера все было темно и спокойно.

Цыганъ всталъ и подошелъ потихоньку къ окнамъ и со страхомъ глядѣлъ на то, что увидѣлъ. Четыре разбойника держали связаннаго по рукамъ и по ногамъ хозяина и съ угрозами тащили его къ огню, на брошенный среди полу заженный пукъ соломы, а полъ былъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ водится, битый, глиняный. Очевидно злодѣи, пытали его, добиваясь болѣе денегъ.

Цыганъ кинулся, сломя голову, къ товарищамъ, разбудилъ ихъ, не велѣвъ шумѣть, позвалъ съ медвѣдями за собою. Расторопные, смѣтливые ребята тотчасъ смекнули въ чемъ дѣло и распорядились: трое стали съ медвѣдями вокругъ дома, подъ окнами, четвертый у задняго крыльца, а пятый, съ самымъ смышленымъ и надежнымъ воспитанникомъ, подошелъ къ переднему крыльцу, гдѣ дверь была приперта разбойниками изнутри. Цыганъ стукнулъ своею дубинкою въ дверь и закричалъ: отоприте! Разбойники опѣшали;

онъ стукнулъ еще разъ — всѣ молчали, не зная, что дѣлать, одинъ только бѣдный хозяинъ сталъ кричать и звать на помощь громче прежняго. Цыганъ велѣлъ медвѣдю подсунуть лапу подъ дверь и тряхнуть ее; мишка ее и высадилъ изъ петлей, ровно отворилъ калиточку, и заревѣвъ, вошелъ вмѣстѣ съ поводильщикомъ, а прочіе стали также ревѣть и стучать въ окно.

На такихъ понятыхъ разбойники наши не готовились; кинулись назадъ — и тамъ тоже; кинулись въ окна — и тамъ мачихина лапа чуть не причесала; всѣ цыгане съ медвѣдями своими вошли, кто въ дверь, кто въ окно, перевязали разбойниковъ, созвали народу и отправили ихъ въ уѣздный городъ, въ Бахмутъ.

Работникъ и одна баба, бывшіе на хуторѣ, нашлись также связанными, въ передней; а другая баба успѣла бѣжать въ потьмахъ, спряталась со страху въ курятникъ и переполошила всѣхъ куръ, отчего проснулись и цыгане. Хозяина спасли, и онъ вскорѣ вылечился отъ побоевъ и ожоговъ, потому что

разбойниковъ, къ счастью, еще во–время захватили, врасплохъ, и они не успѣли его замучить. Разумѣется, онъ хорошо отблагодарилъ своихъ спасителей и отпустилъ ихъ съ миромъ на всѣ четыре стороны.

Вотъ какъ нежданно Богъ даруетъ спасеніе невинному и караетъ грѣшника. Никто не чаялъ, для чего цыгане сошлись артелью, неподалеку хутора, и пришли туда ночевать. Мужикъ на мужика о силѣ содѣваетъ, а Господь свое содѣваетъ!